

Перевод древнего текста — это одновременно его истолкование. Однако перевод „Истории“ Феофилакта Симокатты почти вовсе лишен филологического комментария, лишь в очень редких случаях приводятся разночтения рукописей. Нигде в книге даже не указывается издание, с которого сделан перевод, не оговорены поправки издателей.

Не унифицирован в передаче на русский язык термин $\delta\eta\mu\omicron\varsigma$, переводимый то „дем“, то „дим“ (см. стр. 186 и др.).

В книге много незамеченных опечаток, некоторые из них затрудняют понимание смысла; так, на стр. 58 „войск“ вместо „войска“, на стр. 116 „троих“ вместо „твоих“ и многие другие.

Отмеченные небрежности, несомненно, затрудняют пользование русским изданием „Истории“ Феофилакта Симокатты для людей, не имеющих возможности обратиться к подлиннику, и они тем досаднее, что в большинстве случаев их очень легко можно было бы избежать при более тщательной подготовке перевода.

Я. Любарский

НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ ПО ПОВОДУ СТАТЬИ М. Я. СЮЗЮМОВА „О ХАРАКТЕРЕ И СУЩНОСТИ ВИЗАНТИЙСКОЙ ОБЩИНЫ ПО ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОМУ ЗАКОНУ“*

Советские византилисты достигли значительных результатов в исследовании вопросов о характере поземельных и классовых отношений в Византии после славянской колонизации. Этой проблеме уделяется значительное внимание на страницах „Византийского временника“, так как она действительно является едва ли не самой сложной из всех проблем раннего средневековья в Византии. Болгарские медиевисты пристально и с живым интересом следят за этими исследованиями, ибо они находятся в прямой связи с вопросом о генезисе феодализма на территории средневековой Болгарии.

Большой интерес вызвала у нас, в частности, появившаяся недавно статья М. Я. Сюзюмова „О характере и сущности византийской общины по Земледельческому закону“.

Автор настоящей заметки хотел бы проявить лишь свое отношение к некоторым вопросам, поставленным в этой статье.

I

Е. Э. Липшиц, пишет М. Я. Сюзюмов, опираясь на термин $\nu\epsilon\omega\sigma\epsilon\iota\upsilon$, на данные Земледельческого закона о расчистке лесов под пахотные земли и о выжигании леса на корню перед пахотой, считает подсечное земледелие господствующим в Византии VI—VII вв.¹

Исходя из семантики некоторых терминов, М. Я. Сюзюмов предлагает переводить глагол $\nu\epsilon\omega\sigma\epsilon\iota\upsilon$ (например, в статье 12) не как „распахет новь“, а как „вспашет землю, находившуюся под паром“, и не соглашается с тем, что в Земледельческом законе идет речь о распахке целины в том смысле и аспекте, в каком об этом говорит Е. Э. Липшиц².

* ВВ, X, 1956.

¹ М. Я. Сюзюмов. О характере и сущности византийской общины по Земледельческому закону. — ВВ, X, 1956, стр. 28.

² Там же

При этом автор опирается на следующее толкование: термин *νεατή* (целина) согласно Синописису XI в. означал *γῆ ἐπὶ ἐνιαυτὸν ἀργήσασα* (земля, которая для отдыха оставляется на один год под пар, т. е. незасеянной)³; на Западе в то же самое время термин *novale* (невспаханная земля, целина) также означал пахотную землю, оставленную на один год под пар. Цитируется здесь и соответствующий текст Исидора Севильского: „*novale* есть поле, вспаханное в первый раз, или такое, которое отдыхает (оставлено под пар) в течение одного года, чтобы восстановились его силы...“ и пр.⁴

Нам представляется, что для правильного понимания этих терминов необходимо рассматривать их в тесной связи с исторической обстановкой того времени, которая в данном случае является особенно важной и, мы сказали бы, даже решающей. Текст Исидора Севильского, рассмотренный именно с учетом исторической обстановки, на наш взгляд, подкрепляет, а вовсе не опровергает вывод Е. Э. Липшиц.

В самом деле:

1. Е. Э. Липшиц не рассматривает подсечное земледелие и расчистку земли от лесов как господствующую форму земледелия, как исторический этап в развитии производительных сил в Византии VI—VIII вв. Из вывода, который Е. Э. Липшиц делает в своей статье „Византийское крестьянство и славянская колонизация“⁵, видно, что она устанавливает только факт, что в Земледельческом законе идет речь об определенной категории сельскохозяйственного поселения — преимущественно о поселении в запустевшем месте, в безлюдных лесистых областях. Этот вид поселения, разумеется, был далеко не единственным в империи того времени, и им далеко не исчерпывалась общая картина сельского хозяйства Византии.

2. Особое внимание должно быть обращено при этом на весьма крупный исторический факт, который, по нашему мнению, также полностью подтверждает тезис Е. Э. Липшиц. Известно, что в результате варварских нашествий на Балканский полуостров в IV—VI вв. значительные площади пахотной земли запустели, население было частично истреблено, частично погибло или поредело вследствие голода, лишений, эпидемий и пр. Большая часть обрабатываемой земли на Балканском полуострове, особенно в Мизии и во Фракии, превратилась в пустоши. Запустение обширных земель в Мизии и Фракии в позднеантичную эпоху (IV—VI вв.) является фактом неоспоримым, он подтверждается многочисленными свидетельствами позднеантичных писателей и хронистов — Аммиана Марцеллина, Евнапия, Приска, Дексиппа, Евсевия, Филосторгия, Сократа, Созомена, Феодорита Киррского, Малха, Зосима и др. Этот факт отмечен Е. Э. Липшиц на стр. 104 ее статьи. Приходится только пожалеть, что Е. Э. Липшиц не привлекла обильные конкретные данные упомянутых выше авторов об опустошительных нашествиях готов, гуннов, авар и др., чтобы полнее и основательнее аргументировать свой представляющийся нам совершенно правильным с исторической точки зрения вывод. Тем не менее она достаточно ясно подчеркивает, что значительная часть земель на Балканском полуострове, которые в конце VI — первой половине VII в. заселили славяне, действительно были землями пустующими, поросшими кустарником и лесом и представляли собою „новь“, целину, которую теперь надлежало расчистить и обработать.

³ Jus, V, p. 590.

⁴ Согласно толкованию О. А. Добняш-Рождественской („Агрикультура в памятниках западного средневековья“, М., 1936, стр. 11).

⁵ ВС, стр. 141.

Учитывая историческую обстановку того времени, мы считаем толкование, которое Е. Э. Липшиц дает глаголу *νεώσειν* и другим подобным терминам [в смысле „распашки целины (нови)“], удачным и, на наш взгляд, единственно возможным в данном случае.

3. Выводу Е. Э. Липшиц относительно термина *νεώσειν* отнюдь не противоречит и чисто текстуальная интерпретация указанного выше места из Исидора Севильского. *Novale* вполне может быть истолковано там в специфическом значении, в смысле „поля, распаханного в первый раз (= новь, целина)“. Конечно, слово *novale* (= *νεατή*) имело не только значение „новь“ (целина), но также — „поле под паром“. Но, на наш взгляд, именно первое из этих значений вполне согласуется с толкованием Е. Э. Липшиц слова *νεώσειν*. М. Я. Сюзюмов предпочел второе значение, не пояснив, почему он это сделал.

II

М. Я. Сюзюмов на стр. 29—43 своей статьи возражает Е. Э. Липшицу, которая, основываясь на данных Земледельческого закона, рисует картину классового расслоения в византийском селе. М. Я. Сюзюмов защищает при этом два положения: 1) Византия, по его мнению, также переживала эпоху, совершенно аналогичную тому периоду в истории Запада, когда „между римским колоном и новым крепостным стоял свободный франкский крестьянин“⁶; 2) в Земледельческом законе, по его мнению, вообще нет и речи о каких-либо крупных землевладельцах, и византийская община состояла исключительно из свободных (богатых и бедных) крестьян-хозяев (*κύριος*) и из таких же свободных арендаторов крестьянской и общинной земли⁷.

Нам кажется, что историческая обстановка раннесредневекового периода была гораздо более сложной. Мы хотели бы обратить в этой связи внимание на два следующих бесспорных факта:

1. Западная Римская империя была полностью разрушена германцами, на Востоке же Византия сохранила свой государственный аппарат, сохранились там в первое время и значительные остатки рабовладельческого строя — особенно в Малой Азии и в некоторых южных областях Балканского полуострова, где славянское заселение не могло уничтожить полностью ни византийскую администрацию, ни византийскую налоговую систему. Несмотря на наличие спорных вопросов относительно сферы распространения и характера этих поздне рабовладельческих отношений, все-таки существование значительных остатков рабовладельческого способа производства в Восточной Римской империи в VI—VII вв. не подвергается сомнению⁸. Остатки рабовладельческих отношений являются бесспорным фактом и в свете данных Земледельческого закона, как мы это увидим ниже. Поэтому, несмотря на некоторые оговорки, М. Я. Сюзюмов слишком резко и категорично, по нашему мнению, проводит аналогию между развитием Востока и Запада.

⁶ М. Я. Сюзюмов. Ук. соч., стр. 29. — По кн.: Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Госполитиздат, 1951, стр. 161.

⁷ М. Я. Сюзюмов. Ук. соч., стр. 30.

⁸ Ср., например, Е. Э. Липшиц. О путях формирования феодальной собственности и феодальной зависимости в балканских и малоазийских провинциях Византии. — ВВ, XIII, 1958, стр. 28—53; М. В. Левченко. Материалы для внутренней истории Восточной Римской империи V—VI вв. — ВС, стр. 2—95; Велизар Велков. Селото и градът в Тракия и Дакия през IV—V в. от н. э. — ИП, 1955, кн. I, стр. 32—55.

2. Е. Э. Липшиц, основываясь на статьях 18—19 Земледельческого закона, делает вполне обоснованный и чрезвычайно важный вывод, что поселения, о которых там идет речь, обложены государственными налогами⁹. Таким образом, ни на мгновение не упускается из виду, что Земледельческий закон охватывает только такие общины, которые непосредственно находились в сфере действия византийской администрации и налоговой системы.

Ясно, что в тех славянских общинах, которые были поставлены в подобные условия, непременно должны были сохраняться старые и возникали новые процессы имущественного и классового расслоения. Эти процессы как раз и установлены Е. Э. Липшиц на основании данных Земледельческого закона.

Не входя во все подробности, укажем здесь лишь на некоторые наиболее важные данные, которые, как нам кажется, не согласуются с выводами М. Я. Сюзюмова в этом основном вопросе.

Верно, что в некоторых случаях понятие *χῆριος* полностью совпадает с понятием *γεωργός* и означает земледельца, который одновременно является и свободным собственником — мелким землевладельцем и непосредственным производителем. Это ясно видно из сопоставления статей 3, 4, 5, 17. Здесь *χῆριος* означает только „собственник поля“ (*χῆριος τοῦ ἀγροῦ*), как и *χῆριος τοῦ βοῦ* („собственник вола“) и „собственник дерева“. Но это лишь одна сторона вопроса. М. Я. Сюзюмов упускает из виду, что в других статьях Земледельческого закона понятие *χῆριος* явно означает рабовладельца — *χῆριος τοῦ δοῦλου*, как, например, в статьях 45, 46, 47 и др. О каком рабе здесь идет речь? Основываясь на статьях 71 и 72, Е. Э. Липшиц показывает, что раб Земледельческого закона вообще лишен какой бы то ни было юридической правоспособности¹⁰. Раб этот выполняет по воле своего хозяина определенный сельскохозяйственный труд. Ясно, таким образом, что, помимо общинных, в Земледельческом законе нашла отражение и другая форма отношений — отношений рабовладельческих. Община, о которой идет речь в Земледельческом законе, существовала в рамках византийского классового общества, в сфере византийского классового законодательства, под тяжестью и под прямым воздействием византийской налоговой системы. Но такой общине, естественно, были присущи черты, характерные вообще византийскому раннесредневековому обществу. В состав общины Земледельческого закона входили разные слои: 1) свободные земледельцы-собственники, которые сами собственным трудом обрабатывали свою землю; 2) свободные земледельцы-собственники, которые эксплуатировали труд свободных, полусвободных и несвободных людей (свободных арендаторов-мистиев, рабов и др.); 3) некоторые члены общины, которые беднели и разорялись в результате налогового обложения, превращались в *ἀποροι* и покидали свою землю.

Вполне основательно поэтому Е. Э. Липшиц усматривает в статьях 9—10 данные о крупном феодальном землевладении и феодальной эксплуатации, понимая под *χωροδοτής* крупного феодального собственника (монастырь), а под „мортигом“ — феодального крестьянина. Толкование *μортῆ* в смысле „церковного или монастырского десятка“, которое дает М. Я. Сюзюмов, не представляется нам убедительным¹¹. На наш взгляд, прав С. А. Никитин, который считает, что *μортῆ* Земледельческого за-

⁹ Е. Э. Липшиц. Византийское крестьянство и славянская колонизация, стр. 131.

¹⁰ Там же, стр. 129.

¹¹ М. Я. Сюзюмов. Ук. соч., стр. 29.

кона представляла собою наиболее древнюю форму феодальной натуральной ренты¹². Ссылка М. Я. Сюзюмова на то, что в Земледельческом законе нет никаких конкретных указаний на наличие церковной поземельной собственности, не может служить доказательством. Вероятно, он имеет при этом в виду то обстоятельство, что Лев III Исавр и его наследники вели борьбу против церковного землевладения. Это, однако, совсем не означает, что церковное землевладение, которое до периода иконоборчества достигло значительных размеров, теперь, к середине VIII в., вдруг исчезло как социальное явление и что церковь потеряла свое значение идеолога византийского самодержавия. Напротив, роль церкви и христианской религии как „укротителя“ язычников, как поповедника покорности властям была особенно необходима византийскому правительству в VII—VIII вв. как фактор, содействовавший укреплению господства византийского государства на территориях, заселенных славянами.

Вот почему мы имеем все основания считать, что и в VI—VIII вв. не потеряло своего значения постановление кодекса Юстиниана в связи с борьбой против старых и новых языческих культов на территории империи: „... пусть те места, [в которых совершались языческие обряды и] которые мы многократными постановлениями старались передать досточтимой [нашей] церкви, заслуженно присвоит себе христианская церковь“¹³. Мы полагаем поэтому, что Е. Э. Липшиц совершенно справедливо видит в *χωροδοτής* монастырское феодальное землевладение и в „мортите“ статей 9—10 Земледельческого закона — феодального крестьянина. И это у нее достаточно аргументировано.

М. Я. Сюзюмов считает мистия Земледельческого закона совершенно свободным наемным работником¹⁴. Он ссылается при этом на главы VI (§ 2—3) и XXII Книги эпарха. Действительно, в указанных текстах речь идет о свободных договорных условиях при найме ремесленника. Однако здесь следует обратить внимание и на другую сторону вопроса — на противоречивость содержания этого текста по существу. Самый текст § 2 главы VI Книги Эпарха позволяет прийти к выводу, что на практике работодатель мог через предварительную оплату труда вовлечь в зависимость первоначально свободного мистия-ремесленника и что именно эта практика втягивания мистиев в зависимость вызывала издание подобных распоряжений со стороны правительства.

Мы не знаем, однако, в какой мере действительными оказались эти постановления и как часто работодатель, используя свои связи с могущественными людьми своего времени, мог обходить разными способами указанные распоряжения. Положение же мистиев в сельском хозяйстве, особенно тех мистиев, которые работали во владениях крупных землевладельцев, было еще более неблагоприятным. По самому своему характеру сельскохозяйственный труд мистиев часто бывал с неизбежностью связан с временным поселением или получением крова во владениях работодателя. Обязанный первоначально работать на земле работодателя „временно“, при „свободных“ договорных условиях, мистий вполне мог быть оставлен там и после условленного срока на более долгое время или даже навсегда, если, например, работодатель закабалял его экономически посредством предварительной оплаты труда, всевозможных ссуд,

¹² История Болгарии, т. I. М., 1954, стр. 52.

¹³ Cod. Just., lib. I, tit. XI: „... ea vero <loc>, quae multiplicibus constitutis ad venerabilem ecclesiam volumus pertinere, Christiana sibi merito religio vindicabit (a. 415)“.

¹⁴ М. Я. Сюзюмов. Ук. соч., стр. 41.

„услуг“ и пр. Впрочем, М. Я. Сюзюмов также допускает такую возможность: „Разумеется, — пишет он, — неимущий мистий мог легко попасть в число зависимых людей. Но, — справедливо замечает автор здесь же, — в таком случае он уже переставал быть мистием“¹⁵. Вот именно это мы бы и хотели подчеркнуть: „наемный работник“ в таком случае неизбежно и незаметно попадал в своего рода феодальную зависимость, которая, без сомнения, могла принимать весьма различные экономические и внеэкономические формы, степени и оттенки. Звание же „мистий“ играло при этом роль лишь благовидной „приманки“ для вовлечения разоренного крестьянина в феодальную или вообще в поземельную экономическую зависимость.

Выводы Е. Э. Липшиц о мистиях Земледельческого закона находят, как нам представляется, полное подтверждение и в тексте главы VIII, § 6 Эклоги, где мистии изображаются как экономически зависимые люди. Разумеется, в Земледельческом законе экономическая и внеэкономическая зависимость мистиев оформлена еще не до конца. Но именно из неимущих и безземельных крестьян сформировалось впоследствии феодально-зависимое крестьянство как особая социальная категория, и именно в Земледельческом законе следует усматривать первые этапы этого процесса.

Мы полагаем, что картина классового расслоения, которую рисует Е. Э. Липшиц на основании данных Земледельческого закона, соответствует исторической действительности того времени.

III

Что касается вопроса о периодическом перераспределении пахотной земли в византийской общине, то крайняя осторожность, которую проявляет здесь Е. Э. Липшиц, вполне оправдана, по крайней мере, для эпохи славянского заселения Балканского полуострова.

Во всяком случае обозначение в Земледельческом законе земельного участка то термином *χώρα*, то *μέρος* (ст. 5), то *μερίς* (ст. 31 и 78), то как *σάραφιον* (ст. 8), само содержание статьи 8, как и достаточно ясное указание, отмеченное Е. Э. Липшиц¹⁶, на временный или постоянный обмен обрабатываемой землей в статьях 4 и 5, — все это вполне очевидное, на наш взгляд, свидетельство о наличии пережитков или остатков господствовавшего в прошлом обычая периодически перераспределять всю обрабатываемую площадь как коллективную собственность целого поселения.

Открытым можно оставить другой вопрос — насколько сохранился этот обычай в VII—VIII вв. Развитие, разумеется, вовсе не протекало равномерно и единообразно во всех областях Византии, и исследование свелось бы на первом этапе к изучению конкретных случаев, с учетом особенностей места и времени. Мы не можем поэтому согласиться с мнением М. Я. Сюзюмова, что этот вопрос следует решать „со всей категоричностью“¹⁷ и только в том смысле, что до первой половины VIII в. остатков периодических переделов земли в сельских общинах вообще нигде не сохранилось.

¹⁵ М. Я. Сюзюмов. Ук. соч., стр. 41.

¹⁶ Е. Э. Липшиц. Ук. соч., стр. 119.

¹⁷ М. Я. Сюзюмов. Ук. соч., стр. 38

Нельзя, конечно, предугадать результаты дискуссии, начатой на страницах „Византийского временника“, но мы все-таки полагаем, что дальнейшие детальные исследования не опровергнут, а только дополнят и уточнят те выводы, к которым пришла Е. Э. Липшиц в своих работах¹⁸.

Страшимир Лишев

AUS DER BYZANTINISTISCHEN ARBEIT DER DEUTSCHEN DEMOKRATISCHEN REPUBLIK, BD. I.

Hrsg. von Johannes Irmischer. Berlin, Akademie-Verlag, 1957, 302 S.

Перед нами первый том собрания докладов по византиноведению, подготовленных к сессии группы византинистов при Германской Академии наук, происходившей в мае 1955 г. в Берлине. Эта сессия, как указывает во введении доктор Иоганн Ирмшер, служила задачам все-стороннего обмена замыслами и исследовательским опытом между представителями различных научных дисциплин и тем самым содействовала дальнейшему развитию византиноведения в Германской Демократической Республике.

Работы, включенные в сборник, разнообразны по содержанию, форме, а также, подчеркнем, и по их методологии. Но вполне можно согласиться с автором введения, что опубликованные статьи способны „дать наглядную картину интересов, текущих работ и будущих возможностей византиноведения в Германской Демократической Республике“.

В первом томе напечатано 24 статьи, посвященные проблемам языкознания, литературоведения, истории, богословия и истории церкви. К сожалению, вопросы внутренней социально-экономической истории Византии в сборнике почти не затронуты. Мало внимания уделяют пока византинисты ГДР и исследованию социальных движений. Так, в рецензируемом томе на эту тему помещена только одна статья.

В раздел „История“ включено семь работ. Открывается он статьей Ганса Иоахима Диснера о циркумцеллионах (H.-J. Diesner. Spätantike Widerstandsbewegungen: das Circumcellionentum. — стр. 106—112). В общей оценке этого движения Диснер не расходится с советскими исследователями (Машкиным и Дмитриевым)¹. Он тоже подчеркивает участие в нем рабов. Рабы, должники казны, а также руководившее движением донатистское духовенство стремились к ниспровержению существовавших тогда отношений и присвоили себе право и власть

¹⁸ Неизученным остается еще один вопрос: насколько и в какой степени могут быть использованы данные Земледельческого закона при рассмотрении проблемы общественно-экономического развития тех славянских поселений на Балканском полуострове, которые в VII—VIII вв. оказались вне территории, подвластной Византийскому государству, и остались в большей или меньшей степени не затронутыми прямым воздействием византийской администрации и налоговой системы? В этих славянских поселениях генезис феодальных отношений происходил, несомненно, в иных условиях и в несколько других формах. Развитие феодальных отношений в этих славянских поселениях еще ждет своего изучения.

¹ См. А. Д. Дмитриев. К вопросу об агонистиках и циркумцеллионах. — ВДИ, 1948, № 3, стр. 66 и сл. и Н. А. Машкин. К вопросу о революционном движении рабов и колонов в Римской Африке. — ВДИ, 1949, № 4, стр. 51 и сл. В библиографии, указанной в статье, не учтена ранняя работа Машкина о циркумцеллионах („Историк-марксист“, 1935, № 1).